

В. Д. Денисов

Романическое повествование о Малой России в раннем творчестве Н. В. Гоголя*

После публикации «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) их автор продолжал работать над «поэтической» историей народа, изучая летописи и фольклор, которые были в его глазах верным отражением малороссийского прошлого. Весной 1834 г. журнал Министерства народного просвещения напечатал отрывок «Истории Малороссии» Гоголя и его статью об украинских песнях¹. Затем в своем сборнике «Арабески» (1835) он поместил два исторических фрагмента о жизни Малой России, сделав примечание: «Из романа под заглавием “Гетьман”; первая часть его была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен; две главы, напечатанные в периодических изданиях, помещаются в этом собрании»². Таково единственное упоминание о романе и связи с ним двух глав исторического повествования, датированных в сборнике 1830-м г. – временем появления первых русских исторических романов «Юрий Милославский» М. Н. Загоскина и «Димитрий Самозванец» Ф. В. Булгарина. Вероятно, автор хотел заявить, что вслед за ними, еще до «Вечеров...», он создал *первый исторический малороссийский* (как следовало из заглавия) роман. Название его было понятно всем знавшим, что малороссийских гетьманов до 1708 г. выбирали «из рыцарства вольными голосами»³. По территориальному принципу войскового устройства, гетьман/гетман наделялся и военной, и гражданской властью. Это означало его неразрывную связь с народом, а само его звание – исторически сложившиеся, непростые отношения мало- и великорусских и польских славян.

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 14-04-00510, поддержанного РФНФ.

Но удалось ли Гоголю создать целостное историческое повествование о гетмане? – Это вопрос спорный. В рукописном отрывке, найденном после смерти писателя, есть основные элементы сюжетной схемы исторического романа и его любовной коллизии. При первой же публикации данного текста, написанного «на отдельных листках самым неразборчивым почерком», издатели полагали, что он «принадлежит к самым молодым произведениям нашего автора и писан может быть еще до появления “Вечеров на хуторе близь Диканьки”, но в нем... проглядывает то художественное представление страны и характеров, которое с такою полнотою развилось в *Тарасе Бульбе* и других... произведениях»⁴. По более поздним наблюдениям советских ученых, 5 полулистов с этим текстом просто вырезаны из записной книги Гоголя, причем «рукопись почти не имеет знаков препинания... заглавных букв, часто это сплошной текст без деления на предложения <...> Автор не дописывал слова, зачеркивал их и снова писал те же самые, даже не под строкой, а вслед за зачеркнутыми»⁵ и т. п. Всё это не похоже на черновую обработку текста: отчетливо видны нестыковки – например, вариативные имена, разные по сути характеристики одного и того же, – указывают на то, что здесь впервые были сведены для срочной работы какие-то предварительные наброски.

В гоголеведении этот текст стали считать непосредственным началом романа «Гетьман» и соединять с названными фрагментами того же романа. Не отрицая связи рукописи с замыслом «Гетьмана», мы полагаем, что объявлять ее началом такого романа нет оснований, если принадлежность к нему обеих напечатанных «глав» и сюжетное их (и смысловое) единство весьма сомнительны. Намеченные же в рукописи главки явно меньше, чем у романа того времени, в них кратко упомянуты события, предшествовавшие действию, – что более характерно для *романтической повести* как совокупности эпизодов, *главных* в жизни героя. А значит, отрывок можно назвать <Главами исторической повести>.

Видеть в них начало повести о гетмане позволяет прозвище героя – исторически достоверного гетьмана Острицы. Согласно «Истории Русов»^{*}, нежинский полковник Степан / Стефан Острица «из козаков»⁶ в 1638 г. был избран гетьманом и возглавил восстание на Запорожье против польской и украинской шляхты. Он показал себя искусным полководцем, очистил приднепровские города от поляков и разбил польские войска у реки Старицы. Гетман Лянцкоронский позорно бежал, но был окружен козаками, и только заступничество русского духовенства спасло ему жизнь. Подписав трактат о вечном мире с поляками, Острица поверил их клятвам, распустил войско, а сам со старшинами поехал молиться в Каневский монастырь. Там он

* К середине 1820-х годов получила распространение рукопись под названием «История Русов». В ней украинцы были показаны «русским народом», который, несмотря на бедствия, героически боролся с польско-католической экспансией. Автором труда считали архиепископа Георгия Конисского. Гоголь имел основания доверять «История Русов»: сын бургомистра Нежина Г. И. Конисский (1717–1795) был ректором Киевской Духовной академии, когда там учился дед Гоголя, известным борцом против унии, защищал права православных на польской земле. Подлинной «Историю Русов» считал тогда и Пушкин.

был схвачен поляками, отправлен в Варшаву и после пыток казнен вместе с 37 соратниками (ИР, 53–56). Как известно, Канев был символом Козачества: пожилые, больные, увечные воины доживали близ Каневского монастыря над Днепром. Там же были похоронены их легендарные гетьманы. И пленить гетьмана Острицу в таком месте – святотатство!

По другим сведениям, гетьман Острица (здесь: Яков / Яцко Искра-Остринин) увел часть войска после поражения в Жовнинской битве на Слободскую Украину и был убит в 1641 г. во время козацких волнений⁷. Его сын Иван Яковлевич стал полковником, а внук Иван Иванович Искра-Острица – полтавским полковником. В 1708 г. он и Василий Леонтьевич Кочубей были казнены за якобы ложный донос Петру I на Мазепу, а когда открылась измена, возвеличены и похоронены в Киево-Печерской Лавре. Они были свояками, то есть женаты на сестрах. Но поскольку к 1715 г. жена и сын Искры-Острицы умерли, не оставив потомства, их наследие перешло семейству Кочубеев. Не зная этого Гоголь **не мог**, так как его родители жили по соседству со знаменитой Диканькой, родовым гнездом Кочубеев. После восстания декабристов и воцарения Николая I главой Государственного совета и Комитета министров стал В. П. Кочубей. Вероятно, это его должна была тронуть история Острицы (хотя в несколько ином плане, чем пушкинская поэма о Полтавской битве и подвиге прадеда).

Но писатель иначе назвал героя – не Степаном или Яковом, а украинским именем Тарас (церк. Тарасий, от греч. tarassō – ‘волновать, возбуждать, приводить в смятение, тревожить’), которое означает «бунтовщик, мятежник»⁸. Оно напоминало о гетмане Тарасе Федоровиче (или Трясыло) из простых козаков, под чьим руководством в 1620-х годах была одержана победа над поляками в ночном сражении, оставшемся в народной памяти как «Тарасова ночь». Вероятно, на этого легендарного могучего (буквально «трехсильного») героя «странной судьбы» и было сначала рассчитано повествование о событиях «1625-го года»⁹. Затем дата изменена на «1645», и тем самым время действия приближено к началу восстания Хмельницкого в 1648 г. Однако следы «двойной» хронологии в тексте сохранились. Например, герои вроде бы говорят о походе на турок 1640 г., но упоминание о «Сиваче» (Сиваше) подразумевает знаменитую «битву при Соленом озере» в походе 1620 г.

Итак, сочетание имени и прозвища двух гетманов и обозначение времени перед народно-освободительным восстанием должно создать у читателя представление о **типе** национального героя. А его сближение с Хмельницким свойственно историческим произведениям 1820-х годов, следовавшим фольклорной традиции обрисовки таких героев. Гоголь упомянул славное «время Хмельницкого» сначала в повести «Вечер накануне Ивана Купала» (1830), где основное действие маркировано «малолетством Богдана», а затем в повести «Страшная месть» (1832). Он знал и «Песнь о Богдане Хмельницком» поляка Л. Рогальского, переведенную О. М. Сомовым в 1821 г., и «Сказание о Хмельницком» (1829) своего однокашника В. И. Любича-Романовича.

Кроме того, начало <Глав исторической повести> перекликается с произведениями казненного декабриста К. Ф. Рылеева – известного поэта-историка Малороссии. После успеха поэмы «Войнаровский» (1824–1825) он рабо-

тал над поэмами и драмами о религиозной и национально-освободительной борьбе на Украине в XVI–XVII веках. В центре конфликта здесь был харизматический герой, наделенный властью «от Бога» за то, что живет чаяниями народа, чувствует и выражает его волю, готов пожертвовать собой для общего блага. И хотя такой вождь имел черты легендарных гетьманов Наливайко, Палея, Мазепы, было понятно, что прообраз его один – Богдан Хмельницкий, а события напоминают восстание 1648–1654 годов. Так, действие в поэме о восстании Наливайко 1594 г. разворачивается в Чигирине (возле него расположено Субботово – вотчина Хмельницких), там расправляются со старостой ляхом (как известно, «чигиринский подстароста Чаплицкий» был их врагом), и Рылеев в черновике один раз прямо назвал своего героя Хмельницким.

Фольклорная основа поэмы опиралась на мотивы украинских дум о Хмельницком, но сам образ народного вождя формировался в творческом сознании Рылеева под воздействием поэмы Байрона «Мазепа». Возможно, потому, вместо народного избавителя, заступника, полководца, каким гетман предстал в думах, у Рылеева герой-одиночка изображен трагически отчужденным от людей из-за высокой миссии: его живая «страсть к свободе» оказывалась сильнее животного инстинкта самосохранения, он знал, что обречен, но понимал свою смерть как условие свободы Отечества, неизбежную жертву на его алтарь. Недаром будущие декабристы, услышав поэму от автора, ощутили это пророчеством, грозным предсказанием судьбы¹⁰.

Малороссийские произведения Рылеева были очень популярны (на что повлияла и судьба автора), поэтому Гоголь наверняка их знал. Свидетельством этого представляется близость к ним некоторых описаний и ситуаций в повести «Тарас Бульба» (так, ее финал – спасение козаков в Днестре – напоминает эпизод поэмы Рылеева «Палей», где, окруженный «несметными толпами» поляков, герой находил спасение в Днепре). И не случайно сюжетная схема первой из <Глав исторической повести> Гоголя во многом напоминает план поэмы Рылеева «Наливайко» (1824) в пунктах «Сельская картина. Нравы малороссиян <...> Притеснения и жестокости поляков»¹¹. Также есть все основания полагать, что гоголевский замысел включал изображение козацкого восстания. Но еще ближе первая из <Глав...> к прологу исторической трагедии «Богдан Хмельницкий», который Рылеев читал публично в ноябре 1825 г., – это последняя его вещь, завершенная на воле.

Как показывает анализ, в основу своих произведений и Рылеев, и Гоголь взяли сведения «Истории Русов» о том, как после козацко-крестьянских восстаний из-за Брестской унии 1596 г. поляки ввели на Украину регулярные войска, а «церкви не соглашавшихся на Унию прихожан» отдали «в аренду и положили за всякую в них отправу денежную плату...» (ИР, 40). Подобные незаконные «откупы» были гиперболизированы и обобщены народом в исторических песнях-думах и малороссийской драме, где возникают образы «рандарей», которые не только церкви – шляхи, реки, людей, саму «хрестьянску кровь... орендуют»¹².

Итак, в произведениях Рылеева и Гоголя действие начинается у церкви (центра каждого православного поселения), а далее возникает конфликт из-за столкновения естественных потребностей православных с корыстью

и подлостью арендатора Янкеля (во многом похожего на будущего героя Гоголя). Чтобы защитить себя, «рандарь» обращается к военным, и развитие конфликта приводит к насилию, обостряя до предела отношения противоборствующих сторон. У Рылеева разноголосое движение от просьб и обращений – к негодованию и открытому протесту козаков и крестьян образует «народно-исторический» фон для появления героя, выражающего их нужды и чаянья, так же, как они, страдающего от несправедливости, насилия, преступлений захватчиков-поработителей. Гоголь усугубляет подобный конфликт – завязкой действия, приуроченного к Светлому Воскресению, – впрочем, тоже вслед за Рылеевым (в отрывках его поэмы «Наливайко» 1825 г. страдания малороссиян были приравнены к мукам Страстной недели и противопоставлены весеннему обновлению природы). Тот же мотив звучит в <Главах...>, а единство изображенной толпы, ее инстинктивные (природные) действия и затем резкое, мгновенное возвышение над ней Героя «от Бога» показывают, что Гоголь использовал романтическую концепцию «Героя и толпы» у Рылеева. О его прологе к трагедии «Богдан Хмельницкий» начинающий автор мог знать лишь в пересказе (скорее всего, от О. М. Сомова, близко знавшего поэта и посвященного в его творческие планы). Рылеев упоминал и «Тарасовскую ночь в Переславле»¹³. Именно это событие предстает прологом Хмельнитчины, а значит – вождь народного восстания должен был стать прообразом гетмана Богдана (так же, как у Гоголя).

Время записи гоголевских <Глав...> относится к 1832–1833 годам. Но нестыковки в их тексте, варианты имен героев, различие мотиваций можно объяснить, лишь предположив, что таким образом были впервые сведены варианты написанного **раньше**. Его обработка только начиналась и в основном затронула первую главу. Именно здесь длительное отсутствие Героя объясняется его участием в турецком походе, а Героя называют сотником – как Хмельницкого. В других же главах его отсутствие мотивируют упоминания о неудачном восстании против поляков и последующем бегстве, и это отчасти сближает Героя с гетманом Остраницей. Гоголь изменил дату «1625» на «1645» и соответствующим образом стал перерабатывать текст, дабы избежать историко-смысловых аллюзий с восстанием декабристов, на что указывали и датировка, и легко опознаваемые читателем совпадения с произведениями Рылеева по истории Малой России, и упоминание о неудачном восстании народа, и трагедия его вождя, когда он, со своими противоречиями (непоследовательный, «вольный», «мятущийся»), возвышаясь над другими, противопоставляя себя среде, по сути, становился народу чужим, подобно колдуну в «Страшной мести». Основой же повестей «Вечеров...» как поэтической истории народа было изображение *типичного народного героя*, который здесь напоминал персонажей украинского вертепа. И, в отличие от романов В. Скотта, где толерантно изображались обе стороны уже исчерпанного религиозно-идеологического конфликта и соответствующие идеалы этих сторон, Гоголь изначально ориентировал повествование на *утраченные идеалы* Козачества и Богдана.

В литературе того времени Хмельницкий изображался неоднократно и неоднозначно¹⁴. Иногда аллюзии так гиперболизировали противоречия

его образа, что делали недостоверными и натуру, и поступки героя. Вот как представлял автор трех «исторических» романов, студент П. И. Голота поведение гетмана: «Высокие думы рисовались на его челе... с необыкновенной живостью пробежал он огненными глазами... письма и то улыбался, то принимал на себя важный вид и в то время залпом выпивал по несколько чарок горелки, стоявшей перед ним, от чего, по-видимому, наполнялся опять вдохновения, отваги и решимости»¹⁵. В патриотической поэме «Богдан Хмельницкий» (1833), анонимно изданной в Петербурге и, можно полагать, известной Гоголю, главный герой впервые являлся «В одежде крымца не простого, / По виду ляха молодого, / И по словам... – / Украинца»¹⁶. То есть герой в одежде знатного крымского татарина выглядел поляком, но говорил по-украински. *Вдруг* вернувшись в родные места, он узнавал о смерти отца и *тотчас* пытался отомстить за нее виновнику – старосте Чаплицкому, но *вдруг* обнаруживал необъяснимую доверчивость и позволял схватить себя. А когда он в заточении ожидал казни, его *вдруг* спасала полячка – дочь антагониста.

Но в думе Рылеева героя спасала «младая жена» Чаплицкого: она «связь с тираном разорвала» и, потрясенная «мученьем и вместе мужеством» героя, принесла ему освобождение, меч и... себя¹⁷. По романтическому стереотипу, пленник после освобождения должен был (сразу же!) ответить своему спасителю тем же пламенным чувством. И действительно, герой думы, не задумываясь, заменял оковы узами супружества со своей впервые увиденной спасительницей (кстати, чужой законной женой) – и получал «внешнюю» свободу и возможность действовать: «Жена Чаплицкого приносит Тебе с рукой свободу в дар <...> Будь мой!» – «Я твой!» – «Прими свой меч!»¹⁸ И хотя о героине больше не упоминалось, сделанный ей выбор означал признание высочайших моральных качеств Героя, его правоты, справедливости его притязаний и естественного, «от Бога», права властвовать другими. Кроме того, данная коллизия в целом обосновывала и патриотические, и личные мотивы его мести тирану:

А ты, пришлец иноплеменный,
 Тиран родной страны моей,
 Мучитель мой ожесточенный,
 Чаплицкий! трепещи, злодей!
 За кровь пролитую, за слёзы
 И жен, и старцев, и сирот,
 За всё – и за сии железы
 Тебя мое отмщенье ждёт¹⁹.

Так Герой фактически утверждает себя в роли народного вождя, а вокруг «как моря волны, Рои толпятся козаков». Эти «волны» и «рои» означают стихийную, динамично-хаотичную массу козаков – «разнонаправленную», «слепую», без руководства. И потому действия возглавившего ее Героя «от Бога» предстают действиями всего войска: «Преследуя, как ангел мщенья, Герой везде врагов сражал, И трупы их без погребенья Волкам в добычу разметал!..»²⁰

Таковыми же представляет Гоголь отношения козацкой массы и Тараса Остраницы. При описании того, как в Светлое Воскресение все козаки пришли в церковь, автор употребляет, по сути, тот же тип сравнения: «...как рой пчел, толпились козаки...» и «...море голов, почти не волновавшееся» (III, 277). И далее в изображении молящихся козаков совмещаются динамика и статика, слова и оружие, не подобающее храму. Сам Острианица появляется среди вооруженных молящихся «почти незаметно», но сразу же привлекает внимание, возвышаясь «над другими целою головою», выделяясь «каким-то крепким, смелым окладом» своего лица, которое «было спокойно и вместе так живо», что способно «было всё заговорить конвульсиями», – и «все мало-помалу начали обращаться на него». Затем он как бы растворяется среди «массы... народа... лиц...», чтобы, вновь возникнув из «толпы» или хаотической «кучи», остановить ее волнение «одним своим мощным взглядом» да окриком: его «взгляд и голос... как будто имели волшебство: так были повелительны» (III, 278–279). Это физическое и духовное *превосходство* Героя показывает его власть над людьми «от Бога».

Но и обладая ей, Тарас Острианица не уверен ни в своей правоте, ни в избранной цели. После долгого отсутствия он вернулся на родину в разгар борьбы Речи Посполитой и козаков. И те, кто узнал Героя, уверены, что он вернулся воевать с поляками. Однако, как признается себе Тарас, его привела сюда «не правда, и месть, и жажда искупить себе славу силой и кровью... Всё вы, всё вы, черные брови!» (III, 297). Отсюда мучительное противоречие между чувством и долгом в сознании Героя (ведь он «более рыцарь... чем настоящий козак»²¹). Так, он привел с собой запорожцев, обещав им какое-то «предприятие», но, когда возлюбленная соглашается уехать с ним, готов нарушить данное слово. Для него – как потом для Андрия Бульбы – личное чувство выше патриотического долга, хотя в душе он осуждает себя за это. Так, будучи не уверен в себе, он оказывается перед Выбором между любовью и патриотическим долгом, а героиня – между любовью к Герою и долгом дочери.

Подобными явными и скрытыми противоречиями определяется сюжетное построение («остановившееся движение» молящихся козаков, оружие в храме, ненависть к полякам – вынужденное подчинение силе, угрожающее взрывом), а также поступки Героя. Вот Острианица расправляется с начальником польских уланов, но оставляет в живых как слугу короля, а потом спасает поляка от гнева толпы, дав понять козакам, что в их бедах виновен сам король. Однако наедине с возлюбленной Герой говорит о возможной поездке «в Польшу к королю» (хотя, по ее словам, «ляхи еще не вышли из Украины» и про Острианицу «никто не позабыл». – III, 288–289). Вероятно, Гоголь ввел этот мотив, чтобы затем использовать легенду о том, как Владислав IV, польский король в 1632–1648 годах, на встрече с Зиновием Хмельницким сказал: «Что вы здесь жалуетесь, разве не стало у вас рук и сабель?» – и «сей ответ развязал руки и изострил сабли козаков на освобождение отчины их»²².

По трактовке автора, Герой одновременно молод и умудрен опытом, хладнокровен и горяч, откровенен и скрытен, жесток и великодушен, известен и неизвестен (Галя – «девушка лет осьмнадцати») – не узнает люби-

мого после *долгих лет* разлуки). Близким к идеалу вольного козака странником он стал из-за исключительных жизненных обстоятельств: чудесное рождение и круглое сиротство, участие в набегах запорожцев, «полон» у татар, вынужденное выступление против ляхов и поражение от них и/или турецкий поход. Все это отчуждает Героя, делает одиноким. Поэтому семья представляется ему высшей и единственной ценностью, ради которой, считает он, можно обратиться к польскому «королю <...> или хоть к султану» или поселиться с возлюбленной «на Перекопе или на Запорожье» (III, 289) – у крымских татар или на хуторах возле Сечи (ибо в самой Сечи женщин быть не могло). Подобное пренебрежение идеалами и традициями противопоставляет Героя его народу.

Характеристика же Героя содержит взаимоисключающие черты и как бы суммирует известные обстоятельства жизни разных легендарных гетманов – не только Хмельницкого. При этом противоречия и эклектика, свойственные, по мысли автора, той эпохе и потому характеру Героя (в разной степени и другим характерам тоже), еще недостаточно обоснованы «художественно», слишком резки и потому так бросаются в глаза. Понятна и цель изображения **пути** Героя: каждая следующая встреча должна добавлять ему какую-нибудь новую черту, обнаруживать противоречия характера. А семантика имени Тарас обуславливает вероятность того, что «мятущийся» герой-индивидуалист, байронический одиночка, усомнившийся в справедливости миропорядка, станет «мятежным» героем-бунтарем декабристского плана и возглавит стихийное народное движение. При этом его судьба уже изначально трагична!

Так, он был рожден от... *погибших* родителей: «...странная судьба моя! Отца я не видал: его убили на войне, когда меня еще на свете не было. Матери я видел только посинелый и разрезанный труп. Она, говорят, утонула. Ее вытянули мертвую и из утробы ее вырезали меня, бесчувственного, неживого» (III, 296). Фольклорный мотив чудесного рождения обычно был связан с миссией народного спасителя, избавителя²³. Это подтверждают ускоренное развитие Героя («Еще мал и глуп... уже наездничал с запорожцами») и его побуждение вместе с козаками «отмстить за ругательство над Христовой верой и за бесчестье народу», – хотя он сам признает, что тогда «ни о чем не думал», его «почти силою уже заставили схватиться за саблю», а потом он стал виновником поражения козаков, не ударив сразу из засады, потому что увидел среди врагов отца возлюбленной (III, 297).

В архаических жанрах мотив «чудесного рождения» маркировал Героя, избавлявшего людей от гнета и/или беды (например, С. Палея), но в современной Гоголю прозе этот мотив, как правило, был связан лишь с *тайной происхождения* героя. Соответственно редуцировалась и поэтика тайны: последняя в <Главах...> обуславливает лишь экзотическую сторону сюжета, связанную с его национально-историческим, фольклорным колоритом, и явно профанируется, ибо, не узнаваемый другими, Герой знает о своем происхождении, а на роль хранительницы тайны подходит как выжившая из ума старая нянька, так и мать Ганны-Гали (но в этом случае тайными могли быть и ее *особые* отношения с отцом Героя).

Сам же отчужденный рефлектирующий Герой пытается противостоять жестокости окружающего мира, насилию, самой *смерти*, а потому дает отпор и бесчинству поляков, и самосуду над ними «разгневанного народа», и атаману, «учащему» плетью одного из молодых запорожцев в Светлое Воскресенье (III, 283, 298–299). Тарас колеблется между «рыцарским» и козацким, между **противостоянием** миру, его законам, его несправедливости – как козак! – и равнодушием к миру, даже его приятием, от выступления против поляков и осуждения короля – к мечтам о милости последнего и «прощении», от турецкого похода – к идее обратиться «к султану» (III, 289, 297–298). Его заветная мечта – хозяйничать Дома, в «семейном раю» вместе с возлюбленной (III, 298), и для этого он способен забыть Долг и Товарищей. Такие мотивы поведения в «низовом» историческом романе были присущи чувствительному герою-индивидуалисту, считающему высшей ценностью *частную жизнь*, но только не козаку!

Подруге же Острианицы, напротив, по душе участь воина: ей «подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чем тебе не думать. Если б я была козаком, и я бы закурила люльку, села на коня – и всё мне (при этом она махнула грациозно рукой) трын-трава! Но что будешь делать? я козачка. У Бога не умолишь, чтоб переменял долю...» (III, 289). Далее – по сюжету фрагментов «Кровавый бандурист» и «Мне нужно видеть полковника» (III, 301–310, 321–323) – видимо, та же героиня бежит из дома, переодевается в мужское платье (III, 713; если исследователи верно поняли гоголевский замысел) и, отвергая приличия, наравне с мужчинами принимает участие в борьбе. То есть, ее героическое противостояние миру выше, чем у козаков.

Рассматривая <Главы...> как попытку воплотить «идею» исторического романа, мы, вслед за первыми публикаторами, относим данный текст к ранним опытам Гоголя-прозаика 1829–1830 годов. Об этом свидетельствует историко-этнографический фон, детали которого заимствованы из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского²⁴, «Истории Русов» (ИР, 44–45, 53–54), словаря и записей в «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1827–1831) Гоголя. Для описания бытовых реалий он использовал выписки из Академического словаря и словника к сборнику Максимовича «Малороссийские песни» (1827), а также сведения о старинном украинском быте, присланные по просьбе сына М. И. Гоголь в 1829 г. (IX, 524).

Характерология <Глав...> близка к той, что представлена в главках «малороссийской повести “Страшный кабан”» (1831) и в создававшихся в 1829–1830 годах повестях «Вечеров». Так, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» ухаживающий за Пидоркой «лях, обшитый золотом... со шпорами» соответствует образу «ляха», что возникает в ревнивых подозрениях Острианицы, а употребление имени Ганна-Галя и стилистика объяснения влюбленных сближает <Главы...> с повестью «Майская ночь». Коллизия, когда отец возлюбленной Героя «держит вражью сторону», повторяется в повести «Страшная месть».

Вероятно, сначала государственно-историческая «идея» повествования была связана с материалами для трагедии, которые Гоголь начал собирать еще в гимназии с 1827 г., когда в его письмах матери появились намеки о «начале великого предначертанного мною здания» (X, 117 и след.). Даль-

нейшая разработка «идеи» предшествовала созданию первой части «Вечеров» в 1829–1831 годах и потом шла параллельно, оказывая существенное влияние на весь цикл (как показывают исследования, для писателя была характерна «перекрестная» работа сразу над несколькими замыслами). Подтверждение мы находим в письмах того периода. Так, летом 1829 г. Гоголь сообщает матери: «В тиши уединения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пущу в свет <...> Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, <чтобы> не исказить неправильными наименованиями существенного имени нации», – а затем вновь упоминает о каком-то «обширном труде» (X, 150, 178). Видимо, речь идет о малороссийской тематике, причем одна из вещей явно больше и серьезнее, чем повести «Вечеров», на которые обычно указывают комментаторы. Сама же «идея» (судя по отсутствию уточнений в письме, известная матери) могла возникнуть из вполне естественного интереса юноши к истории своего рода после внезапной смерти отца в 1825 г.

Таким образом, к 1835 г. <Главы исторической повести>, «Глава из исторического романа» и «Кровавый бандурист» в представлении автора были связаны как различные и одновременные варианты воплощения «идеи» романа о национально-освободительной борьбе (с XVI до середины XVII в.), «идеи», развитие которой привело к созданию «Тараса Бульбы». Именно там получили окончательное воплощение многие характеры, ситуации, описания, картины быта в предшествовавших фрагментах. Кроме того, эти произведения были связаны общим местом действия (Полтавщиной) и временем, что можно назвать *условно-историческим*: несмотря на точные или неточные даты, иногда противоречащие им хронологические детали, это всё, по сути, художественно обобщенное время освободительной борьбы и/или тех ее периодов, какими их представлял автор. Такая «обобщенность» времени – иногда *вопреки* хронологии! – была присуща историческому повествованию романтиков.

Исходя из явной *тенденциозности* <Глав исторической повести>, следует полагать, что к единому сюжетному повествованию на основе накопленного материала автор пришел на рубеже 1830–1831 годов, к началу Польского восстания, когда обострился общественный интерес к проблемам русско-украинско-польских отношений. А «Глава из исторического романа» представляет предшествующий этап разработки «идеи» – на основе семейных преданий и актуальных реминисценций из романов (в основном, М. Загоскина), – от чего Гоголь в дальнейшем отказался. По-видимому, его не удовлетворила по своим возможностям и любовно-авантюрная коллизия <Глав исторической повести>, один из набросков которых стал затем основой фрагмента о «кровавом бандуристе». Учитывая всё это, вместе с примечанием о «частях романа» и его сохранившихся отрывках, нельзя исключить, что, согласно «идее», на каком-то этапе ее воплощения автор представлял целое или как взаимосвязанные *эпизоды жизни* легендарных малороссийских гетьманов – от Наливайко до Хмельницкого и Даниила Апостола, или же как *цепь* эпизодов (глав) из жизни гетьманов, *похожих* на Хмельницкого внешне, характером, поведением, обстоятельствами

жизни... – и это свое представление обозначил как роман «Гетьман». Неизвестно, были ли написаны другие его эпизоды или автор ограничился «Главами...», но очевидно, как сама разработка «идеи», попытки ее воплотить в большом эпическом полотне оказывали огромное влияние на творчество Гоголя с начала 1830-х годов, вдохновляли его последующие поиски.

Примечания

¹ Гоголь Н. Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга I, глава 1; О малороссийских песнях // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. Отд. II. С. 1–26.

² Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя: в 2 ч. СПб., 1835. Ч. I. С. 41.

³ Цит. по изд.: Конисский Г. История Русов, или Малой России // Чтения в Император. Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1846. № 1–4. Отд. 2. С. 7. Далее, при ссылках на этот текст, – в круглых скобках *ИР* и № стр.

⁴ Сочинения Гоголя: в 6 т. – Изд. 2-е. – М., 1856. Т. 5. С. IV, 411.

⁵ Чарушникова М. В. Фрагмент незавершенного романа Н. В. Гоголя «Гетьман» // Записки Отдела рукописей ГБЛ. – Вып. 37. – М., 1976. С. 186.

⁶ Здесь и далее в слове *козак* и производных от него, означавших, с точки зрения Гоголя, особую национально-историческую общность, сохранено написание рукописных редакций, которое цензура последовательно заменяла на *казак* и подобные.

⁷ Гоголь Н. В. Собр.соч.: в 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994. Т. 7. С. 528–529 (комментарии).

⁸ Справочник личных имен народов РСФСР. – 3-е изд. – М., 1987. С. 524.

⁹ Гоголь Н. В. Главы исторической повести (копия П. Кулиша) // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Фонд 652. Описание 2. Ед. хр. 71. Л. 3.

¹⁰ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений / Прим. А. В. Архиповой и А. Е. Ходорова. – 2-е изд. – Л., 1971. (Большая серия «Б-ки поэта»). С. 31.

¹¹ Там же. С. 439.

¹² См.: Записки о Южной Руси: в 2 т. / Издал П. Кулиш. СПб., 1856. Т. 1. С. 56–58.

¹³ Рылеев К. Ф. Указ. соч. С. 251.

¹⁴ См.: Марченко Т. М. Образ Богдана Хмельницкого в литературе русского романтизма: Монография. Донецк, 2009.

¹⁵ Голота Петр. Хмельницкие, или Присоединение Малороссии. Исторический роман XVII в.: ч. I–III. М., 1834. Ч. III. С. 72.

¹⁶ [Без автора]. Богдан Хмельницкий: Поэма в 6 песнях. СПб., 1833. С. 3.

¹⁷ Рылеев К. Ф. Указ. соч. С. 158.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Там же. С. 158.

²¹ Розов В. А. Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя // Памяти Н. В. Гоголя: Сб. речей и статей, изд. Императорским ун-том Св. Владимира. Киев, 1911. С. 166.

²² Глинка Ф. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. СПб., 1819. С. 14.

²³ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 237.

²⁴ Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: в 3 ч. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1830.